

С. Ю. МАЛЫШЕВА

ПУБЛИЧНЫЕ ДОМА И ПРОСТИТУТКИ В ДОСУГОВОЙ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАЗАНИ

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX вв.*

Ключевые слова: история повседневности России; городская культура Казани; досуг; публичные дома; проституция.

Аннотация: Статья посвящена культурно-историческим аспектам истории проституции в России — месту публичных домов в досуговом и повседневном пространстве провинциального города и роли посещений публичных домов и проституток в структуре досуга мужчин-горожан.

Во второй половине XIX — на рубеже XIX–XX вв. в России — вслед за Европой, — процессы ускорявшегося промышленного развития вели ко все большему разграничению сфер труда и отдыха горожанина, к расширению последней (за счет нормирования и сокращения рабочего дня, введения календаря праздничных и нерабочих дней) и ее качественному изменению. Быстро развивавшаяся индустрия досуга предлагала горожанину все больший ассортимент развлечений и новых форм отдыха, создавала соответствующие учреждения и заведения.

Одной из форм городского досуга — досуга практически исключительно мужского, ввиду его специфики, — стало посещение публичных домов и пользование платными услугами «девушек для радости». Разумеется, как известно, эта форма досуга является одной из самых древних. Но в рассматриваемое время она, как и соответствующие заведения, обретают легальность. Проституция в России была легализована в 1843 г., когда по инициативе министра внутренних дел графа Л. А. Перовского был создан орган для надзора за публичными женщинами — Врачебно-полицейский коми-

* Исследование проведено в рамках стипендии Германского исторического института в Москве и Фонда Герды Хенкель (ФРГ, Дюссельдорф) AZ 12/SR/06, тема «Досуговая культура российского провинциального города второй половины XIX в.».

тет¹. В Казани подобный орган — под названием Проституционно-го комитета, — был учрежден в 1865 г. при полиции под председательством полицмейстера, однако, перейдя в следующем году в ведение земства, вскоре перестал созываться². Он был заново открыт под названием Врачебно-полицейского комитета и под председательством полицмейстера в 1886 г.³

Несмотря на легализацию проституции в России, необходимость борьбы с нею на протяжении второй половины XIX — начала XX вв. являлась весьма злободневной общественной темой, поднимавшейся и дебатировавшейся врачами, юристами, политиками, публицистами, журналистами, писателями⁴. Дань этой проблеме отдал и ряд современных историков, анализировавших корни явления, состав тружениц борделей и проституток-одиночек, политику правительства в отношении проституции, историю соответствующих правительственных учреждений и пр.⁵ Тем не менее, тема далеко не исчерпана. Помимо морально-нравственных, медицинских и гигиенических, юридических аспектов изучения проституции это явление может рассматриваться и в контексте других тем и проблем. В этой статье речь пойдет о таком малоизученном культурно-историческом аспекте, как место публичных домов в досуговом и повседневном пространстве провинциального города и роль

¹ По данным Н. Лебиной и М. Шкаровского — в мае 1843 г., по данным А. А. Ильехова — в марте 1843 г. См.: *Лебина Н., Шкаровский М.* Деталь ночного пейзажа: кое-что из мира проституток Санкт-Петербурга и Ленинграда // *Родина*. 1994. № 1. С. 61; *Ильехов А. А.* Проституция в России с XVII века до 1917 года. М., 2008. С. 41.

² Национальный архив Республики Татарстан (далее — НАРТ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 3об.-5, 7об.

³ *Порошин Н. Н.* Надзор за проституцией в Казани в 1896 г. // *Врач*. 1896. № 10. С. 272.

⁴ См.: *Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России. Историко-статистическое исследование. СПб., 1871; *Покровская М. И.* Борьба с проституцией. СПб., 1900; *Канкарович И.* Проституция и общественный разврат. К истории нравов нашего времени. СПб., 1907; *Проституция в России. Картины публичного торга.* СПб., 1908; *Бентовин Б. И.* Торгующие телом. СПб., 1910; и др.

⁵ См.: *Лебина Н. Б., Шкаровский М. В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.). М., 1994; *Бабилов К. И.* Проституция в России // «А се грехи злые, смертные...». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XXI века. М., 2004. Т. 3; *Ильехов А. А.* Указ. соч. и др.

посещений публичных домов в структуре досуга мужчин-горожан во второй половине XIX — начале XX вв.

Локализация в городском пространстве публичных домов и «тайных притонов для распутства»

Досуговое и повседневное пространство Казани, как и многих других провинциальных городов России, было дифференцированным и иерархизированным. Казань, расположенная на слиянии рек Волги и Казанки, являла собой причудливое сочетание различных городских ландшафтов. Однако ландшафтному разнообразию не уступало культурное разнообразие различных городских районов, обусловленное социально-сословным, национально-конфессиональным, профессиональным составом их жителей. Соответственно, весьма различались и досуговые пространства этих частей города, лишь частично совпадавших с теми шестью «частями», на которые Казань делилась в административно-полицейском отношении.

Высокая, гористая часть города с каменными домами классического стиля, широкими площадями и улицами, Кремлем, университетом, большим количеством православных церквей и монастырей, официальными учреждениями, была средой обитания преимущественно русской и русскоязычной городской элиты: дворянства, состоятельных горожан и интеллигенции. Эти городские кварталы располагались в 1-й и отчасти в 3-ей частях города.

Расположенную ниже «аристократической» части, преимущественно русскую, торгово-купеческую, мещанскую и ремесленную часть города отличали каменные и деревянные дома попроще, характерные торговые лабазы. В административно-полицейском отношении эти районы города относились ко 2-й и к 4-ой городским частям, причем, в состав последней входила и Суконная слобода, населенная как рабочим, так и ремесленно-мастеровым людом.

На противоположном берегу реки Казанки были расположены составлявшие 6-ую городскую часть рабочие слободы — Адмиралтейская, Ягодная, две Игумновы, чьи узкие, напоминавшие деревенские, улицы, небогатые жилища и мрачные заводские здания и бараки резко контрастировали с ландшафтом городского центра⁶.

⁶ Перепись населения 1897 г. зафиксировала наличие 11 присоединенных к городу слобод — Академической, Суконной, Архангельской, Новота-

Специфику Казани составляло наличие расположенных за городским озером Кабан и частично за городской протокой Булак, отделявших русскую часть города от татарской, Старо-Татарской и Ново-Татарской слобод. Они весьма отличались от прочего городского пространства яркими красками деревянных и каменных домов, узорчатых мечетей, пестротой восточного базара, колоритно одетыми жителями, специфическим течением повседневной и досуговой жизни. Татарские слободы официально составляли 5-ую городскую часть, но фактически охватывали и часть 2-ой.

Публичные досуговые учреждения были распределены по территории города весьма неравномерно, и плотность их размещения, и их качество сильно различались в зависимости от статуса того или иного городского района, а также от назначения того или иного досугового учреждения. Так, в «аристократической» части города, где проживала наиболее состоятельная и образованная часть населения, плотность досугового пространства была наибольшей, именно здесь в основном размещались очаги культуры и искусства. Торгово-купеческая и мещанско-ремесленная часть города отличалась не только пестротой и, в целом, бедностью населения, но и такой же пестротой, незатейливостью и бедностью досуговой инфраструктуры. Инфраструктура досуга заречных рабочих слобод была откровенно слабо развитой, просто убогой. Весьма специфическим было досуговое пространство татарских слобод — здесь до начала XX в. практически отсутствовали общественные и публичные досуговые здания⁷ — за исключением зданий мечетей.

Развлекательные заведения с сомнительной репутацией, какими были дома терпимости, в Казани размещались, как правило, подальше от мест проживания т.н. «чистой публики», но и не на самых «выселках», а поближе к потенциальным «потребителям» их

тарской, Адмиралтейской, Большой и Малой Игумновых, Ягодной, Гривки, Козьей, Кизической, в которых проживало тогда в общей сложности более 30500 человек, что составляло примерно 24 % населения Казани. (См.: Первая всеобщая перепись населения. Т. 14. Казанская губерния. 1897 год). Исторически слобод в Казани было намного больше. См.: Бикбулатов Р., Мустафин Р. Казань и ее слободы. Казань, 2001.

⁷Надырова Х. Г. Архитектурно-пространственная организация Старо-Татарской слободы в конце XVIII-начале XX вв. // Старо-Татарская слобода — от прошлого к будущему. Казань, 2001. С. 196.

услуг. И в этом плане наиболее привлекательным районом оказались слободы торгово-ремесленной, мещанской части города. В Казани было два места, где традиционно локализовалось большинство дешевых публичных домов и притонов. Это так называемые «логовища Мокрых улиц» (Мокрые улицы — Первая, Вторая, Задняя, Передняя, Поперечная, — в Мокрой слободе во 2-й городской части, в районе современного железнодорожного вокзала) и улица Пески в Суконной слободе в 4-ой городской части, практически на границе 4-ой части и «аристократической» 1-ой. Так, в одном из официальных списков публичных женщин 1859 г. с указанием места их жительства (и, как правило, «места работы») из 159 проституток 67 проживало во 2-ой части и 54 — в 4-ой (в общей сложности, во 2-й и 4-й частях проживало 76 % проституток). Кстати, 4 проститутки указали в качестве места проживания 5-ую часть (Татарские слободы) и 34 — 1-ую, «дворянскую» часть, т.е. специфический национальный и «аристократический» районы города. Но в татарских слободах девушки, скорее всего, только жили, но не «работали» (об этом см. ниже). Что же касается аристократического центра, то «разврат» осуществлялся здесь скрыто, в тайных притонах, на частных квартирах. Например, высокооплачиваемые и чаще всего тайные (незарегистрированные) проститутки (а были и такие, что получали от 90 до 120 рублей в месяц⁸, что было сопоставимо тогда с жалованьем врача, доцента университета) снимали нередко весьма дорогие квартиры, где и принимали «гостей». Но заметнее жителям этого района были дешевые проститутки-одиночки, приходившие на промысел и в «аристократическую» часть города. Так, горожане из образованных слоев неоднократно сетовали в газетах, что они промышляли по вечерам на аллеях городского Черноозерского сада и на Большой Проломной улице⁹.

Публичные дома на улице Пески существовали с 1860-х гг.¹⁰ и их услуги находили широкий спрос как среди мастерового и студенческого населения, так и среди солдат располагавшихся неподалеку

⁸ Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1896 г. // Врач. СПб., 1897. Т. 18. № 25. С. 706–707.

⁹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9747. Л. 9; см. также: Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 272.

¹⁰ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 9об.

казарм. Большинство из официально разрешенных публичных домов Казани (в 1880-х гг. их было до 30¹¹, в 1895 г. — 23, в 1896 г. — 25, в 1897 г. — 27, в 1898 г. — 35¹²) находились именно здесь. В Мокрой слободе также были наиболее плотно сосредоточены публичные дома и подпольные бордели, здесь особенно процветала и одиночная проституция, всегда находившая спрос среди «гулявших» мастеровых и солдат расположенных вблизи казарм. В Мокрой слободе круглосуточно торговали вином, занимались ростовщичеством и скупкой вещей, этот район был довольно криминален, здесь обитали многочисленные представители городского «дна».

Городские власти сознательно поддерживали существование зланных мест в указанных Мокрой и Суконной слободах, предпочитая, чтобы, с одной стороны, «дома» самого низкого пошиба находились в стороне от городского центра, а с другой стороны, были сосредоточены как можно компактней и находились «под рукой», что облегчало контроль за ними. Недаром, в 1886 г. в ходе полицейской переписки по поводу просьбы жителей Песков о выселении публичных домов с их улицы, пристав 4-й части Казани подчеркивал, что «улица Пески, исключительно, назначена для публичных заведений»¹³, а казанская городская управа, рассматривая эти просьбы четырьмя месяцами ранее, отмечала, что она сочувствует жителям, но считает вывод публичных домов на отдаленные улицы нецелесообразным, так как их будет неудобно контролировать¹⁴.

Однако если расположение домов терпимости в торговом-ремесленных и мещанских частях было «удобно» как полиции, так и потенциальным посетителям, то жильцы соседних домов и улиц, действительно, были достойны сочувствия. «Развеселая» жизнь публичных домов, скандалы и дебоши, сопровождавшие досуговую жизнь их посетителей, оказывались частью невеселой повседневности жителей улиц, на которых располагались бордели. Как известно, потенциальный потребитель «услуг» публичных домов

¹¹ Свердлова Л. М. На перекрестке торговых путей. Казань, 1991. С. 128.

¹² См.: Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 271; *Он же*. Надзор за проституцией в Казани в 1896 г. // Врач. СПб., 1897. Т. 18. № 25. С. 707; *Он же*. Надзор за проституцией в г. Казани в 1897 и 1898 гг. // Врач. СПб., 1899. Т. 20. № 52. С. 1533.

¹³ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 10.

¹⁴ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 3.

мог легко опознать сие заведение в городском пространстве по особым приметам, их отличавшим — красному фонарю у входа, красным занавескам на окнах¹⁵. Однако занавески на окнах не столько маркировали эти очаги разрешенного разврата, сколько служили вполне конкретной цели — оберегать покой и нравственность живущих вблизи злочных мест горожан, отгородить публичные дома от окружающего городского пространства. Так, в «Правилах для содержательниц домов терпимости», включенных в «Положение врачебно-полицейского комитета в Санкт-Петербурге» (1861 г.), предписывалось держать окна в борделях, выходящие на улицу, постоянно плотно закрытыми — днем занавесками из белой кисеи и коленкора, вечером и ночью — деревянными ставнями или толстыми шторами. А сами бордели должны были быть удалены от церквей, училищ, школ и тому подобных учреждений не менее, чем на 150 саженей¹⁶. В провинции это расстояние легко «сокращали» — так, в казанских документах 1880-х гг. речь вообще шла о «положенных» 40 саженях¹⁷.

Впрочем, и эти правила легко обходились и нарушались. А полиция и городские власти часто оставались безучастными к жалобам возмущенных жителей соседних с борделями домов и улиц. Так, жители Песков обращались к казанскому полицмейстеру в 1879 г. с жалобами на поведение обитательниц двух десятков расположенных на их улице «веселых домов», после чего в окнах этих домов появились плотные шторы. Но «порядок» продержался недолго. И в 1885 г. около 30 домовладельцев Песков вновь обратились в городскую управу, жалуюсь на то, что «из публичных больших домов, находящихся по лицу улицы, постоянно днем и во всю ночь видны всякие безобразия, в особенности летом, то есть, на открытых окнах сидят или высовываются в полунагом состоянии, ругаются с проходящими всякими сквернейшими словами и вообще кроме безобразия ничего нельзя видеть, почему нам с семействами и никак невозможно жить. По ночам часто бывают скандалы, крик, шум, кричат «караул» и

¹⁵ Впрочем, занавески не обязательно должны были быть красными — как следует ниже из официальных документов, борделям предписывались днем белые занавески, а по ночам — просто плотные шторы.

¹⁶ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 38об., 35 об.

¹⁷ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 7-7об.

т.п.»¹⁸. В ответ на это, как уже упоминалось, казанская городская управа посочувствовала жителям, но закрыть публичные дома не сочла возможным. А полиция легко аргументировала законность нахождения питейных заведений и домов терпимости в 13 и 39 сажнях от приходской Георгиевской школы казанского купца А. А. Аметевского тем, что ограничения касаются учебных заведений, помещенных в постоянных помещениях — казенных или собственных этих заведений. А школа Аметевского находилась в его частном доме. Трагикомизм ситуации усугублялся рапортом пристава 4-й части Казани Евдокимова в Казанское городское полицейское управление от 31 марта 1886 г., в котором, в частности, сообщалось, что «находя открытие Аметевским школы на Песках при существовании публичных и других заведений, неуместным, содержательницы тех заведений лично мне заявили, что в видах нравственности для учащейся молодежи, они готовы нанять на свой счет помещение под школу в другом месте, лишь бы не было ее на Песках»¹⁹! Только в 1896 г., когда для Георгиевской церковно-приходской школы было выстроено специальное здание, полиция, отмерив установленное законом расстояние в 150 метров, закрыла публичные дома, находившиеся ближе положенного расстояния. Впрочем, закрытые дома вскоре вновь заработали поблизости от привычного места²⁰.

Жаловались на беспокойное соседство борделей и жители Мокрой слободы. В 1893 г. прихожане Ильинской церкви при 1-й и 2-й Мокрых улицах обратились к губернатору с просьбой искоренить безобразия на 2-й Мокрой улице, где действовало множество домов терпимости и винных лавок, торговавших круглосуточно — «в будни и праздник день и ночь». Казанский полицмейстер и чиновник особых поручений специально и весьма внимательно занялись проверкой этой жалобы. Дело в том, что у жителей Мокрой слободы было преимущество перед несчастными обитателями Песков: расследование показало, что лишь один бордель в этой слободе — дом терпимости Башарина, — имел статус официально разрешенного. А остальные (например, дома Шпакштейн, Казановской и др.) квалифицировались, как менее «легитимные» «притоны

¹⁸ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 2об.

¹⁹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 10.

²⁰ Свердлова Л. М. Указ. соч. С. 129.

тайного разврата»²¹. К тому же, Мокрая слобода была известна как место массового проживания проституток-одинок, снимавших здесь комнаты и углы и здесь же зарабатывавших свой кусок хлеба. Причем, «кусок хлеба» в буквальном смысле слова: многие из «одинок» были выброшены из публичных домов за «старостью» и «ненадобностью». Казанский врач Н. Н. Порошин называл их «самыми жалкими и несчастными — перебегающие из трактира в трактир, летом живущие на бакалдинских лугах, а зимою ночующие по ночлежным дешевкам, оборванные и большею частью уже удрученные годами»²². Их услуги были востребованы только представителями городского «дна» и обитателями ночлежек, расплачивавшимися с этими самыми дешевыми «девушками для радости» просто «шкаликом водки и луком на закуску»²³.

Дом терпимости Башарина был в результате расследования закрыт, проститутки выселены из квартир и домов. Однако после расследования все вернулось на круги своя — дома Мокрой слободы снова наполнились публичными женщинами. Как признавал казанский полицмейстер в рапорте губернатору,

«чтобы таковые совсем не появлялись в Мокрых улицах (...) сделать не представляется возможным, потому что проститутки все-таки приходят из других улиц в Мокрые, где имеются дешевые столовые, трактиры, баня и вблизи помещаются солдатские казармы»²⁴.

Проституток-одинок и ранее неоднократно пытались выселить из Мокрой слободы, в том числе в связи со строительством железной дороги. Однако они возвращались на привычное место работы и жительства. И даже обращались к властям с просьбой разрешить им жить в Мокрых улицах. Так, в феврале 1890 г. четыре ка-

²¹ Хотя «тайные притоны для распутства» были лишь одной из официальных категорий публичных домов. Обозначение «тайные» было весьма условным — полиция прекрасно знала об этих притонах и контролировала их. Недаром еще в 1861 г. наряду с «Правилами для содержательниц домов терпимости» вышли и «Правила для содержательниц тайных притонов для распутства». См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 34, 49об.

²² Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 271.

²³ Свердлова Л. М. Указ. соч. С. 121.

²⁴ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9117. Л. 13об.-14.

занские проститутки — Е. П. Боярскова, А. М. Семенова, П. М. Богданова, А. Демидова обратились к губернатору, обосновывая свое право жительства традицией:

«с давних пор, как мы, так еще и до нас, всегда проститутки, по дешевизне квартир, вообще проживали в Задне-Мокрой улице, а также и по самой обстановке этой улицы».

Женщины жаловались, что их выселяют, и им приходится ночевать на улицах, так как их выгоняет полиция из пивных и трактиров, а ночлежки и приюты переполнены. Переход в публичные дома на Пески был невозможен ввиду конкуренции:

«идти и поступить в публичные заведения на Пески тоже вовсе невысказано, так как там чересчур уже переполнено, причем, большая часть девушек живет там, вследствие безвыходного своего положения, даром, лишь из-за куска насущного хлеба»²⁵.

В жалобе прихожан Ильинской церкви весьма примечателен и интересен один момент — упоминание о «большом безобразии и столкновении татарского и русского народа» около домов терпимости и упоминание о «татарском доме терпимости» в доме Башарина. Речь шла об официально разрешенном доме терпимости, открытом содержательницей-татаркой, имевшей, по словам жителей Мокрой слободы, «своих два дома в Плетенях и Татарской (слободе — С. М.), но жителя ея татары ей там не дозволяют открывать дома терпимости»²⁶.

Действительно, специальные татарские публичные дома с татарским персоналом и с содержательницами-татарками размещались до начала XX в. — ввиду противодействия татарской общины, — во 2-й, русской части города, в Мокрой слободе. Представители татарского населения отправлялись в русские части города в поисках развлекательных заведений, запрещенных в татарских слободах. Архивные документы свидетельствуют, что такие дома существовали здесь уже в 1850-х гг. Так, содержательница Гайни Раимова в 1855 г. держала в доме Гуткова четырех проституток-татарок, а в 1858 и 1859 гг. за ней числилось уже 10 «девушек»-татарок. Содержательница Бадига Зямал в 1858 г. командовала в

²⁵ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7943. Л. 3-3об.

²⁶ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9117. Л. 1-2.

своем заведении тремя, а в следующем году — уже пятью проститутками-соплеменницами. В документах 1859 г. упоминается и имя содержательницы Фатимы²⁷. Возможно, «девушек» в их заведениях было и больше, ведь далеко не все проститутки являлись к освидетельствованию, а некоторые проститутки-татарки не указывали место жительства.

Развитие инфраструктуры города, борьба за улучшение качества досуговой инфраструктуры в конце XIX — начале XX вв. теснили публичные дома с их насиженных мест, они меняли локализацию, перебираясь с одной улицы на другую, «отступая» все дальше от центра города, «осваивая» запретные прежде национальные слободы. Так, как говорилось, «Мокринские притоны» с их обитателями — проститутками, сутенерами, жуликами и ворами — были потревожены в конце XIX в. строительством железной дороги, но уцелели, перебравшись с 1-й Мокрой улицы на 2-ую²⁸. В начале XX в. бордели с бывших Песков, а теперь т.н. «Дегтярки» (ул. Дегтярная) были выселены вглубь 4-й части, на берег озера Кабан²⁹.

Запреты религиозной общины не могли долго сдерживать и экспансию «злачных мест» в татарские слободы, тем более, что татарские бордели также были потеснены из Мокрой слободы в связи со строительством железной дороги. В начале XX в. собственные, татарские публичные дома с татарским персоналом появились и в татарских слободах. Татарский поэт Г. Тукай в начале XX в. в своих поэтических и публицистических произведениях с негодованием писал о мире татарских публичных домов за озером Кабан в татарской части Казани, упоминал в своих статьях и названия этих публичных домов — «Коза Маги», «Подвал Фатыма», «Хусни с собакой», «Девочки публичных домов»³⁰. Содержательниц публичных домов в своих стихах он изображал «колдуньями в заозерье

²⁷ См.: НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 129. Л. 3, 7, 10, 32; Д. 170. Л. 29, 29об., 30об., 31об, 32 об.; Д. 176. 2об.-3, 5, 7об., 10, 32, 43.

²⁸ См.: Казанский телеграф. 1893. 19 августа.

²⁹ Об этом в начале 1960-х гг. свидетельствовал в беседе с историком Б. Ф. Султанбековым бывший служащий одного из публичных домов в Песках.

³⁰ См.: *Тукай Г.* Избранное. В 2-х тт. Т. 2. Публицистика, критика, фельетоны, автобиографические очерки и заметки, избранные письма. Казань, 1961. С. 224.

лесном», которые заставляют работать на себя бедных девушек, а затем убивают их и коптят на огне³¹. Судьбы татарских девушек, оказавшихся в этих заведениях «забавою» соплеменников, вызывали у него горячее сочувствие³².

Однако некоторые коррективы, которые вносило в локализацию публичных домов развитие города, его инфраструктуры, усилившийся контроль городского «общества» за состоянием досугового пространства (особенно центра Казани), попытки регламентировать поведение горожан хотя бы в местах проживания городской «аристократии», регламентация поведения самих проституток и ограничение их появления в публичном пространстве³³ — все это

³¹ «А на чердак загляни, говорят, висят их копченые туши,
Все мусульманки одни, говорят, нет ни единой Катюши (...)
Страшно подумать, что звезды любви так погибают позорно!».
(Из стихотворения «Казань и Закабанье». См.: *Тукай Г. Избранное*. В 2-х тт. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Казань, 1960. С. 223, 225).

³² Так, в стихотворении 1911 г. «На мотив хода поезда» он описал ночную сценку в публичном заведении некоей Демберихи:

«(...)В заведенье тишь да тьма –
Спит Дембериха сама.
Колоти в окно покрепче,
Пусть выходит Фатима!
Почему огонь погас,
Если только первый час?
По полдюжине портвейна
Нынче выпито у нас.
У сиротки с малых лет
Много горя, много бед,
И пришлось ей стать гулящей,
А теперь спасенья нет.
Еженощно кутежи,
Всем забавою служи,
Во хмелю форсит татарин,
Даже слова не скажи! (...)»

См.: *Тукай Г. Избранное*. В 2-х тт. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Казань, 1960. С. 186–187.

³³ Так, «Правилами для публичных женщин» и «Правилами для содержательниц домов терпимости» 1861 г. проституток обязывали вести себя скромно и благопристойно как в окрестностях борделей (не высовываться из окон, не зазывать прохожих, не ходить по улицам гурьбой), так и особенно в

не изживало самого явления домов терпимости. К тому же пальма первенства в предоставлении досуговых услуг такого рода принадлежала вовсе не официально разрешенным публичным домам, а тайным притонам и также незарегистрированным проституткам-одиночкам, все смелее преодолевавшим в поисках клиентов границы традиционно дифференцированного по социально-классовому и иным признакам городского пространства.

**Профессионалки и «арфистки»:
«ассортимент» рынка продажной «любви»**

Весьма разнообразны были не только казанские бордели, «тайные притоны» и прочие заведения этого рода. Крупный губернский город предлагал любителям продажной любви все более широкий «ассортимент» проституток-профессионалок и «любительниц».

В конце 1850-х гг. абсолютное большинство проституток в публичных домах Казани составляли крестьянки и мещанки, примерно одинаковое количество с представительницами двух упомянутых категорий составляли также солдатки и солдатские дочери. В одном из списков Казанской врачебной управы³⁴ 1859 г. фигурирует 79 мещанок и мещанских дочерей, 78 крестьянок (в т.ч. казенных, удельных, дворовых, отпущенниц), 73 солдатки и солдатские дочери, а также дочь священника, жена дьячка, купеческая дочь, цеховая, дочь лекарского ученика, а также «уволненная из воспитанниц Казанского Приказа»³⁵. Но к концу века, с усилением миграции сельских жителей в город, более половины всех представительниц древнейшей профессии были из крестьянок — в 1895 г. они составляли 78,4 % казанских проституток, живших в публичных домах, в то время как мещанки — лишь 21,68 %³⁶. В списках

общественных местах. А их появление в некоторых общественных местах было ограничено: так, проституткам запрещалось бывать в театрах в бельэтаже. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 34, 38об.

³⁴ Списки проституток, согласно «Положению» МВД, регулировавшему деятельность Врачебно-полицейских комитетов (июль 1844, дополнено в декабре 1845 г.), должны были храниться в губернских городах во Врачебной управе. См.: *Ильюхов А. А.* Указ. соч. С. 42–43.

³⁵ См.: НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 176. Л. 1–15.

³⁶ Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // *Врач.* СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 271.

проституток конца 1850-х гг. превалируют русские (славянские) имена и фамилии, но встречаются также и татарские, польские, немецкие. В 1895 г. в числе проституток официально разрешенных казанских домов терпимости было 109 русских и 30 татарских «девушек», в следующем году среди вновь зарегистрировавшихся проституток было 58 русских, 11 татарок, одна турчанка и одна немка, в 1897 г. — 64 русских и 16 татарок, в 1898 г. — 29 русских, 25 татарок и одна полячка³⁷. Большинство этих женщин были неграмотными — так, в 1895 г. 76,3 % обитательниц казанских борделей не знали грамоты³⁸. Неграмотность, дезориентированность в жизни большого города, крайняя нужда вчерашних крестьянок способствовали снижению расценок на грешные утехы. «Доступные» объятия оказывались все более доступными.

Немалую роль в снижении расценок играла и конкуренция, ведь «предложение» на рынке этих «услуг» постоянно росло. Хотя лукавая статистика вполне может создать впечатление, что количество «жриц любви» в Казани к началу XX в. уменьшается. Если, по данным Казанской врачебной управы, в Казани в 1855 г. ежемесячно подлежали освидетельствованию от 237 до 672 проституток, то в 1858 г. — от 172 до 286 (хотя, судя по выданным свидетельствам — от 428 до 718), в 1859 г. — от 209 до 274 проституток, в 1860 г. к освидетельствованию являлось ежемесячно до 259 публичных женщин³⁹. По официальным данным, в 1889 г. в казанских публичных домах работали 134 проститутки, еще 189 числились проститутками-одиночками. В 1891 г. только проституток-одиночек было зарегистрировано 585, в 1892 г. — 541, в 1893 г. — 468, в 1894 г. — 373, в 1895 г. — 307, в 1896 г. — 192⁴⁰. Перепись населения 1897 г. зафик-

³⁷ Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 271; *Он же*. Надзор за проституцией в Казани в 1896 г. // Врач. СПб., 1897. Т. 18. № 25. С. 708; *Он же*. Надзор за проституцией в г. Казани в 1897 и 1898 гг. // Врач. СПб., 1899. Т. 20. № 52. С. 1533.

³⁸ *Он же*. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 271.

³⁹ НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 129. Л. 41об.-42; Д. 170. Л. 2об.-26, 35об.-59; Д. 171. Л. 183об.-184; Д. 176. Л. 16об.-33, 46об., 48; Д. 184. Л. 142. Более поздних документов освидетельствования казанских проституток не сохранилось.

⁴⁰ Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 273.

сировала в числе лиц, занимавшихся проституцией (как «родом занятий»), лишь 180 проституток и 2 проститута⁴¹.

На самом деле, все обстояло наоборот: спрос на продажную любовь рос и, соответственно, росло и предложение. Просто все больше проституток не желало становиться на учет. Реально количество проституток было намного выше официальных данных, ведь помимо поддававшихся учету властей — «работавших» в домах терпимости обладательниц «желтых билетов» (вместо паспортов), а также т.н. «бланковых», то есть, проституток-одиночек, которые должны были носить при себе «бланк» (документ на право продажи своего тела)⁴², существовало еще огромное количество женщин, занимавшихся торговлей тела «незаконно», то есть, без разрешения властей⁴³. «Дома терпимости в Казани посещаются мало, — отмечал в 1896 г. казанский врач Н. Н. Порошин, — тайная же проституция растет»⁴⁴. Причем, неуклонно росло количество, так сказать, «сезонных» проституток-«любительниц», то есть женщин, не упускавших случая «подзаработать» своим телом от случая к случаю. Особенно это явление было распространено в сезоны ярмарок, базаров, в праздники, когда возрастал спрос на такого рода досуговые развлечения.

Именно эта категория проституток вызывала большую озабоченность властей, ведь они не поддавались никакому контролю или учету. Казанский губернский врачебный инспектор подчеркивал в 1884 г. в записке Казанскому губернатору, что именно эта категория «скрытных проституток города из прислуги и швей, либо женщины, являющиеся из соседних селений на базары и праздники» являются причиной распространения венерических заболеваний в

⁴¹ Первая всеобщая перепись населения. Т. 14. Казанская губерния. 1897 г.

⁴² В Казани дело с этими «удостоверениями» проституток обстояло не блестяще. Только в конце 1868 г. казанский губернский медицинский инспектор обратился к губернатору о необходимости ввести «книжки» для женщин, «промышляющих развратом», это ходатайство было одобрено губернатором. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1900. Л. 1–3. Впрочем, по свидетельству казанского врача Н. Н. Порошина, проститутки все время теряли свои документы.

⁴³ См.: *Ильюхов А. А.* Указ. соч. С. 30–31; *Лебина Н., Шкаровский М.* Деталь ночного пейзажа... С. 62.

⁴⁴ *Порошин Н. Н.* Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 273.

городе⁴⁵. Инспектор верно подметил резкое увеличение количества скрытых проституток в городе накануне больших праздников. Так, он фиксировал во второй половине декабря 1883 г., «ввиду предстоящих праздников, скопление бродячих женщин и размещения их по трактирам и питейным заведениям для разврата»⁴⁶.

К концу XIX в. скрытая проституция процветала в досуговых учреждениях и заведениях, назначение которых не имело ничего общего с «задачами» публичных домов. Речь идет о трактирных заведениях, гостиницах и других заведениях с продажей спиртных напитков. Посещение трактирных заведений было прерогативой в основном мужского населения. Лишь в начале XX в. в российских столицах, а затем — и в провинции, постепенно распространяется обыкновение посещать ресторан семьями, отмечать в них праздники, отмечать Новый год⁴⁷. В последние же десятилетия XIX в. в большинстве казанских трактирных заведений, как и во многих подобных заведениях других провинциальных городов, дамы появлялись крайне редко. Эти заведения были переполнены женщинами весьма сомнительного поведения — как отмечал в октябре 1883 г. казанский городской голова, — «женщинами, хотя носящи-

⁴⁵ Впрочем, зарегистрированные проститутки усиленно вносили свою «лепту» в распространение венерических заболеваний, не уступая «любительницам». За четыре месяца 1884 г. в Казанский военный госпиталь и Казанскую земскую больницу поступило 178 солдат-новобранцев с венерическими заболеваниями, из них 112 случаев заражения приходилось на (зарегистрированных) публичных женщин, а остальные 66 заразились в результате контактов, произошедших в трактирах, на улицах, частных домах, кабаках, портерных, постоянных домах, банях. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 2об. В 1898 г. из 283 поднадзорных проституток Казани 150 (т.е. 55 %) были заражены сифилисом, а в 1897 г. из 290 — 164 (или 56,5 %). См.: *Илюхов А. А.* Указ. соч. С. 273.

⁴⁶ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 7об., 9.

⁴⁷ *Хмелевская И. Б.* Столичный досуг в начале XX в.: Петербург и Москва: Дис. ...канд. ист. н., М., 2004. Л. 76, 77, 90. Впрочем, в некоторых казанских гостиницах встречали Новый год намного раньше. Так, Новый, 1869 г. встречали в Меркуловской гостинице, где «разный люд задыхался от жара и от невыносимой давки (...) трактир в этот вечер представлял собою казанское Эльдorado с жизнью нараспашку» (См.: Казанский биржевой листок. 1869. 5 января). В отличие от «разного люда», «приличное» казанское общество в тот год предпочло встречать Новый год в здании Городского театра, в Купеческом собрании, в здании университета.

ми различные названия: певиц, арфисток, приказчиц и т.д., но в сущности, торгующих собой. Женщины эти служат приманкой для молодых людей»⁴⁸. Он предложил городской думе запретить вообще «присутствие женщин во всех без исключения местностях продажи крепких напитков», что вызвало одобрение некоторых гласных думы, отмечавших, что «с точки зрения эстетики пение и музыка мало произведет впечатление на подгулявшего человека, а для других есть театр». Другие гласные возражали, указывая, что такое решение лишит заработка честных женщин. Возражали, разумеется, и обиженные владельцы «привилегированных ресторанов», просящие не смешивать их приличные заведения с разного рода «харчевнями»⁴⁹. Однако удалить «арфисток» и «женские хоры» из многочисленных трактирных заведений города — а таковыми дамами были наводнены даже самые низкопробные трактиры-«дешевки», — оказалось весьма сложно. Они успешно составляли сильную конкуренцию зарегистрированным проституткам-профессионалкам, превышая их, к тому же, численно.

«Спрос» и потребители услуг проституток

Бурный рост «предложения» услуг проституток во второй половине XIX — начале XX вв. свидетельствовал и о росте «спроса» на досуговые утехи подобного сорта. Росту спроса способствовало, с одной стороны, численное увеличение потенциальной клиентуры домов терпимости. Ведь уровень миграции в большие города в рассматриваемый период растет небывалыми прежде темпами. Так, население Казани с 1858 г. по 1897 г. увеличилось с 60 586 до 129 959 человек⁵⁰, причем, как отмечено было еще в 1890-е гг., в основном

⁴⁸ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5497. Л. 1.

⁴⁹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5497. Л. 1об.-5, 12-13. Содержатели и арендаторы таких «привилегированных ресторанов» (выражение документа) В. И. Ожегов, С. И. Лотов, В. Л. Майков писали в ходатайстве на имя губернатора, что в их ресторанах никогда не было ни разврата, ни скандалов, что они приглашают хоры по контракту на зимний сезон, они известны в Казани и репутация их безупречна. Казанская публика, — гордо заявляли содержатели ресторанов, — «удостаивала нас своим преимущественным посещением сравнительно с прочими гостиницами». (Там же. Л. 12об.).

⁵⁰ См.: Первая всеобщая перепись населения. Т. 14. Казанская губерния. 1897 год.

не за счет рождаемости (которая едва превышала смертность), а за счет миграции⁵¹ — из сельской местности⁵² и из других губерний. Среди мигрантов значительный процент составляли люди молодые и одинокие, холостые. «В Казани очень много бессемейного люда», — отмечал врач Н. Н. Порошин⁵³. С другой стороны, неудержимая коммерциализация рынка развлечений и досуговых предложений уже мало сдерживалась какими-либо ограничениями и запретами — в том числе моральными, конфессиональными и пр.

Разнообразие публичных домов — прежде всего, ценовое, — способствовало тому, что каждый «потребитель» мог выбрать дом терпимости на свой вкус и кошелек. Ведь публичные дома различались не только локализацией в городском пространстве, но и уровнем «заведения» и, соответственно, ценами за услуги. В январе 1885 г. Казанская губернская управа по докладу своей комиссии, изучавшей вопросы надзора за проституцией, постановила разделить «существующие в Казани дома терпимости, по их состоятельности» на 4 разряда: перворазрядные бордели взимали с клиентов за посещение от 2 до 3 рублей, второразрядные — от 1 до 2 рублей, третьеразрядные — от 50 коп. до 1 руб., и бордели четвертого разряда — от 20 до 30 копеек⁵⁴. Провести ночь в публичном доме стоило в дорогих заведениях 5 рублей, в дешевых — 50 копеек⁵⁵. Как это ни странно, но цены эти были сопоставимы с установленными той же городской управой ценами в городской театр, а позже — ценами на билеты в кинотеатры. Так, цены на билеты в городской театр в 1870-х гг. составляли 20-40 копеек (галерка или раек, «верхние места»), места «за креслами» — до 75 копеек, в

⁵¹ Приволжские города и селения в Казанской губернии, с картой р. Волги и рисунками. [Репринтное издание 1892 г.]. Казань, 2008. С. 164.

⁵² При росте количества жителей города в два раза, количество представителей крестьянского сословия в Казани за то же время увеличилось в шесть раз. См.: Первая всеобщая перепись населения. Т. 14. Казанская губерния. 1897 год.

⁵³ См.: Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 273.

⁵⁴ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 64.

⁵⁵ Вишленкова Е., Малышева С., Сальникова А. Казанское житье (XIX-XX века) // Эдвард Турнерелли. Казань и ее жители. Елена Вишленкова, Светлана Малышева, Алла Сальникова. Казанское житье (XIX-XX века). Казань, 2005. С. 928–930.

кресла — от 1 рубля до 2 рублей 50 копеек, нелитерные ложи — 3-5 рублей и 7 рублей за литерную ложу⁵⁶, а в «электротeatрах» в 1915 г. цены на билеты дифференцировались от 10 копеек (3-й ряд) до 4 рублей — в ложу бельэтажа⁵⁷. Широкие ценовые «ножницы» — как в случае с театром, так и с публичными домами, — означали не только доступность той и другой формы досуга практически всем слоям населения, но и способствовали «сегрегации» посетителей по их социально-классовой принадлежности и имущественному положению. Для самых неимущих «клиентов» существовали многочисленные «незаконные» дома терпимости, тайные притоны, а также опустившиеся одиночные проститутки, услуги которых шли просто по бросовым ценам и были доступны самым нищим обитателям городского «дна», расплачивавшихся с ними, как уже говорилось, водкой и закуской.

Несмотря на официальное разрешение зарегистрированной проституции, такая специфически мужская досуговая форма, как утехы с продажными женщинами, была одной из социально неодобряемых в целом и даже табуированных форм. Этот способ проведения свободного времени, безусловно, не одобрялся, прежде всего, церковью и духовенством всех конфессий и общественной моралью. Однако внутри мужского сообщества — среди солдат, мастеровых, рабочих, студентов, даже офицеров и представителей т.н. «чистого общества», — посещение проституток было не только приемлемой, но одобряемой и даже предписываемой нормой поведения, своеобразным подтверждением маскулинности. Нередко посещение публичного дома воспринималось и как форма инициации молодого человека. Хотя в отношении несовершеннолетних юношей, воспитанников учебных заведений такой визит был табуирован дважды: не только нормами общественной морали, но и официальными нормами⁵⁸.

Посещение публичных домов и одиночных проституток было настолько распространенной формой досуга среди солдат гарнизо-

⁵⁶ НАРТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 440. Л. 12об.

⁵⁷ НАРТ. Ф. 636. Оп. 1. Д. 1.

⁵⁸ Так, «Положение врачебно-полицейского комитета в Санкт-Петербурге» 1861 г. запрещало впускать в публичные дома «мужчин несовершеннолетних, равно кадет и воспитанников учебных заведений». См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 39.

на и фабрично-заводских рабочих, что в 1860-х-1880-х гг. Проституционный комитет в Казани предлагал и некоторое время даже пытался регулярно проводить медицинское освидетельствование солдат и рабочих на предмет наличия венерических заболеваний⁵⁹. Не только солдаты, но и многие офицеры были завсегдатаями казанских публичных домов. Так, офицеры Либавского полка дважды «отличились» только за 1867 г., устраивая драки и «буйства» в подобных заведениях — сначала «отдыхая» в ночь с 6 на 7 февраля в публичном доме содержательницы Берг во 2-й части, затем в ноябре в публичном доме Волковой в 4-й части Казани⁶⁰.

Не отставали от офицеров по громкости скандалов в публичных домах и казанские студенты. Для многих из них обычным делом было заканчивать студенческие вечеринки в многочисленных борделях на Песках. Характерно высказывание на сей счет казанского полицмейстера в конфиденциальном рапорте губернатору 24 ноября 1892 г. о ходе традиционного студенческого вечера в пользу Общества вспомоществования недостаточным студентам Казанского университета, состоявшегося в Дворянском собрании 22 ноября. Полицмейстер докладывал, что после окончания танцев, в 5 часов утра, человек 150 подвыпивших и трезвых студентов гуляли по центральной улице города — Воскресенской от *alma mater* до Кремля, громко распевая песни. Характерно, что полиция не вмешивалась, желая, как подчеркнул полицмейстер, «избежать столкновений, подобно тому, как было лет пять тому назад, когда городской Зиновьев за попытку предложить прекратить пение был втащен в толпу, и ею на руках унесен в крепость (в Казанский Кремль — *С. М.*), причем, на Зиновьеве оказалось платье разорванным». Казанский полицмейстер, видимо, считал шатание толп студентов и громкое пение в 5 утра на центральной улице города меньшим злом, так как удовлетворенно констатировал, что «если в нынешнем году студенты прошли по Воскресенской улице, то ни одного из них не было на Песках, где обыкновенно в день студенческих вечеров совершались ими крупные бесчинства»⁶¹. Очень редко публичные дома воспринимались студентами не как место

⁵⁹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 4, 7об., и др.

⁶⁰ См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1374 и Д. 1378.

⁶¹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8994. Л. 22–24.

досуговой гульбы, а как поле приложения их просветительских усилий: казанский врач Н. Н. Порошин описал случай 1897 г., когда два студента Ветеринарного института «по идейным соображениям» попытались «вытащить» из дома терпимости одну из проституток. Но и этот единичный случай закончился полным фиаско — через две недели девица вернулась в «заведение»⁶².

Клиентура борделей формировалась и из числа мастеровых. М. Горький, работавший в 1880-х гг. в Казани в крендельной пекарне, вспоминал о его товарищах:

«посещение публичных домов было обязательно каждый месяц в день получки заработка; об этом удовольствии мечтали вслух за неделю до счастливого дня, а прожив его — долго рассказывали друг другу об испытанных наслаждениях. В этих беседах цинически хвастались половой энергией, жестоко глумились над женищинами, говорили о них, брезгливо отплевываясь. Но — странно! — за всем этим я слышал — мне чудилось — печаль и стыд. Я видел, что в “домах утешения”, где за рубль можно было купить женищину на всю ночь, мои товарищи вели себя смущенно, виновато, — это казалось мне естественным. А некоторые из них держались слишком развязно, с удалством, в котором я чувствовал нарочитость и фальшь. (...) Смотрел я, как по грязному полу двигаются, лениво шаркая ногами, “девушки для радости”, как отвратительно трясутся их дряблые тела под назойливый визг гармоники или под раздражающий треск струн разбитого пианино (...)»⁶³.

Сам он, посещая с товарищами публичные дома, услугами проституток не пользовался, что вызывало злые насмешки, обиду и враждебное отношение как его товарищей, так и «девушек для радости». Занимая позицию стороннего наблюдателя, Горький испытывал чувство тревоги и брезгливости:

«Я видел, — писал он, — что в полутемные маленькие комнаты стекается, точно в ямы, вся грязь города, вскипает на чадном огне и, насыщенная враждою, злобой, снова изливается в город. Я наблюдал, как в этих щелях, куда инстинкт и скука жизни забывают людей, создаются из нелепых слов трога-

⁶² Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1897 и 1898 годах // Врач. СПб., 1899. Т. 20. № 52. С. 1536.

⁶³ Горький М. Мои университеты // Горький М. Собрание сочинений в 16 тт. Т. 9. М., 1979. С. 331–333.

тельные песни о тревогах и муках любви, как возникают уродливые легенды о жизни “образованных людей”, зарождается насмешливое и враждебное отношение к непонятному, и видел, что “дома утешения” являются университетами, откуда мои товарищи выносят знания весьма ядовитого характера»⁶⁴.

Однако потребление услуг продажной любви сдерживалось не только соображениями морального порядка или страхом заражения венерическими заболеваниями. В среде отдельных групп потребителей услуг проституток существовали и запреты, и ограничения, которые диктовали неписанные групповые «кодексы» или правила поведения. Так, немалый «отряд» мужчин-служащих публичных домов (вышибалы, охранники и пр.) не пользовались — это было не принято или не разрешалось владельцами заведений, — услугами «девочек» дома, в котором работали, отправляясь за этими услугами в свое свободное время в «конкурирующее» заведение. Надо сказать, что между некоторыми публичными домами существовало негласное соглашение о взаимном предоставлении услуг такого рода работникам конкурентов — своеобразный «бартер»⁶⁵.

Грешных утех в часы досуга были не чужды и татарские мужчины. Хожение в публичный дом обозначалось словосочетанием — «ходить к тетеньке в ряды»⁶⁶. Особенно отличалась здесь богатая татарская «золотая молодежь» из купеческой среды. Невзирая на конфессиональные и прочие запреты, она стремилась не отставать в широте разгула от русских купцов и купцов других национальностей, считая приключения в публичных домах частью «статусного поведения» состоятельного человека. Татарский поэт Габдулла Тукай в одной из своих статей упоминал «прогремевший» в 1911 г. случай на Макарьевской ярмарке, когда в сомнительном «аукционе», организованном содержательницей публичного дома среди купцов, «победил» сын татарского купца из Оренбурга Х. Хусаинова. Заплатив 800 рублей, он получил возможность на всю ночь остаться в доме терпимости единственным привилегированным клиентом⁶⁷.

⁶⁴ Там же. С. 333.

⁶⁵ Об этом в начале 1960-х гг. рассказывал историку Б. Ф. Султанбекову старик — бывший служащий одного из публичных домов в Песках.

⁶⁶ Напр., в поэме Тукая «Сенной Базар, или Новый Кисекбаш». См.: Тукай Г. Избранное. В 2-х тт. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Казань, 1960. С. 263.

⁶⁷ Тукай Г. Избранное. В 2-х тт. Т. 2. Публицистика, критика, фельетоны, автобиографические очерки и заметки, избранные письма. Казань, 1961. С. 156.

Таким образом, досуговое пространство провинциального города было заполнено публичными домами и притонами довольно неравномерно. Наряду со специально создававшимися или исторически сложившимися районами, где власти стремились компактно сосредоточить официально разрешенные дома терпимости, существовали намного более многочисленные тайные притоны. И хотя большинство их также сосредотачивались в тех же районах, были и такие, которые пересекали их границы. К концу рассматриваемого периода наблюдаются тенденции значительных изменений локализации публичных домов и притонов. С одной стороны, развитие городской инфраструктуры и другие факторы способствуют их вытеснению из привычных районов на окраины. С другой стороны, рост спроса и коммерциализация этой формы досуга способствуют активной «экспансии» как притонов, так и одиночной проституции в районы города, где их появление прежде не допускалось.

Такая гендерно специфическая форма досуга, как посещение публичных домов и проституток, была не чужда мужчинам всех городских слоев и групп. Однако качество этой формы досуга было дифференцировано по социально-классовому и имущественному, по национально-конфессиональному, возрастному и иным признакам. Услугами элитных борделей — «перворазрядных», а также недешевых тайных притонов, пользовались люди состоятельные, относившиеся к городской знати, женатые, отцы семейств. Их положение в городе, статус, семейное положение, необходимость хотя бы внешне следовать общепринятым канонам морали и нравственного поведения, побуждали не афишировать визиты в злчные места, а плата за пользование услугами элитных борделей подразумевала и сохранение анонимности. Ввиду необходимости соблюдения внешних приличий, такие люди охотно пользовались услугами продажных женщин, официально не являвшимися проститутками, а «работавших» в городских ресторанах, трактирах, гостиницах и городских, и загородных садах под видом «певиц», «арфисток», «приказчиц». Охотно посещали они также тайные притоны, каковыми в Казани нередко служили бани⁶⁸.

Представители низших, а отчасти и средних, небогатых городских слоев (ремесленники и мастеровые, рабочие, солдаты, мелкие чиновники), а также учащаяся молодежь (студенты), холостые моло-

⁶⁸ См.: Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 272.

дые мужчины проводили такого рода «досуг» в расположенных в ремесленно-торговой части города многочисленных публичных домах низшего пошиба и притонах, предоставлявших услуги по дешевым ценам. Досуговые потребности этой клиентуры — а, соответственно, и задачи борделей, — отличались от вышеназванных. Посещения борделей — часто коллективные, — мастерами, студентами, солдатами и пр. — были частью корпоративной маскулинной досуговой культуры, одним из важных ее ритуалов, способствовавших формированию идентичностей — как мужской, так и членов данной группы. В соответствии с этим, такие посещения не только не исключали, но даже предполагали и предписывали демонстративное нарушение правил общепринятой морали, громкие скандалы, пьянки и иные формы символической репрезентации «мужской состоятельности» и включенности в соответствующее «мужское сообщество». Эти визиты являли собой яркий пример «демонстративного потребления». Бордели понимали и учитывали эти пожелания клиентов. К тому же, такое бурное и скандальное времяпрепровождение часто соответствовало привычкам самих обитательниц дешевых публичных домов.

«В “дешевках”, — писал казанский врач Порошин, — (...) живут и женщины цветущего возраста, но уже прошедшие огонь и воду, некоторые сжигали и в тюрьме; тут разгул не забвение, а потребность и необходимость. (...) Пьянство беспрерывное, драки без конца»⁶⁹.

Посещения публичных домов и проституток было весьма специфической формой мужского досуга — официально разрешенной, общественно табуированной, поощряемой и даже предписываемой отдельными городскими субкультурами. Эти посещения играли важную роль как в структуре досуга ряда мужских городских групп, так и в системе ритуалов этих групп, являясь одним из инструментов формирования их идентичностей.

*Мальшиева Светлана Юрьевна
доктор исторических наук, профессор
кафедры историографии и источниковедения.
Казанский государственный университет
Тел.: 7 (843)231-54-76, E-mail: Svetlana.Malycheva@ksu.ru*

⁶⁹ *Он же.* Надзор за проституцией в Казани в 1896 г. // Врач. СПб., 1897. Т. 18. № 25. С. 707.